

АНСАМБЛЬ БОБРУЙСКОЙ КРЕПОСТИ – ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЗОДЧЕГО А.Е. ШТАУБЕРТА

Введение. Изучение развития отечественного зодчества – важное направление современной науки. Крупнейшим явлением служит классицизм, обладающий колоссальным, не полностью раскрытым информационным потенциалом.

В 1772 г., на первом этапе вхождения белорусских земель в состав Российской империи, государственной задачей стало строительство городов-крепостей, необходимых в связи с пограничным положением образованных губерний. Показательным образцом фортификационного комплекса является Бобруйск.

Основная часть. Планировке и отдельным сооружениям Бобруйской крепости посвящен ряд трудов [1, 2], в которых введены в научный обиход важные данные. Автором настоящей статьи в архивах Москвы и Санкт-Петербурга изучены фиксационные и проектные планы Бобруйска, обнаружены особенности развития города, художественные и культурологические качества его центра, ансамбля Соборной и культовой площадей.

Организация крепости основывалась на следующем: ликвидация планировочной структуры и застройки исторически сложившегося города, за исключением каменных храмов; создание нового функционального зонирования, регулярной системы планировки и застройки внутрикрепостной территории, рассчитанных на проживание и ведение военных действий многочисленного гарнизона; формирование укреплений, включающих замкнутую овальную оборонительную линию и систему вынесенных вперед фортов, редутов и флешей; расчистка вокруг крепости открытых пространств, необходимых для обстрела противника, с других сторон защита крепости водной преградой; строительство за этими «стратегическими» пространствами

регулярных форштадтов с торговыми центрами; формирование военно-общественного центра внутри крепости.

Генеральные планы города составлялись в 1810, 1811, 1819, 1822 гг., наиболее совершенный вид крепость приобрела по проекту 1836 г. Оборонительные сооружения возведены по проекту директора Инженерного департамента при Военном министерстве, генерал-лейтенанта К.И. Оппермана. Окончательные проекты планировки форштадтов и территории внутри пояса укреплений, а также собора, общественных и жилых зданий, крепостных Минских и Слуцких ворот, выполненных в стиле ампир, разработал в 1817–1836 гг. архитектор Инженерного департамента А.Е. Штауберт [1].

Выдающийся петербургский зодчий Александр Егорович Штауберт (1780–1843 гг.) происходил из обер-офицерской семьи российских немцев. Выпускник Академии художеств. Известность приобрел благодаря проектам военных и гражданских сооружений, а также учебе у великих мастеров русского классицизма (А.Д. Захаров, А.Н. Воронихин, К.И. Росси) и совместной работе с ними. Среди построек в Санкт-Петербурге – Военно-сиротский дом, казармы и госпиталь лейб-гвардии Финляндского полка, казармы Литовского полка, Николаевская кавалерийская школа, Михайловское артиллерийское училище, Морская тюрьма в Новой Голландии и др. А.Е. Штауберт неоднократно отмечался императорскими наградами и завершил службу в чине статского советника (генерал-майор в армии) [3].

В Бобруйске в новом градостроительном решении наблюдалась преемственность ликвидированной нерегулярной веерно-полукольцевой структуры: план крепости в виде большого полукруга,

Юрий Чантурия

подобного абриса поселения XVIII в.; градоформирующее значение каменных храмов; наследование и развитие главной коммуникационной оси и культовой католической площади. Близкая к полукруглой форма крепости, обусловленная плоской местностью и примыканием города к берегу реки, преемственна и полукруглым ренессансным крепостям конца XVI – начала XVII в. (Быхов). Несмотря на усложнение земляных укреплений, функционально-планировочные качества оборонительной линии остались во многом прежними.

Анализ пространственных связей крепости и форштадтов позволяет предположить, что в первой половине XIX в. городу придавалась религиозная символика. Это было и проявлением романтической ориентации на образцы прошлого. Примечательна идеология сакрализации, использование чтимого в христианстве числа три, связанного с образом Святой Троицы.

Высотную композицию города определяли две основные доминанты – новый собор Александра Невского и приходский костел. Каждый из них замыкал видовые направления только трех улиц на форштадтах, что вряд ли случайно, учитывая значительное число

магистралей и хорошую возможность для автора нацелить большинство улиц на храмы. Число «3» соблюдено и в положении бастионов, рavelинов и флешей. Оси симметрии только трех таких укреплений совпадают с осями поперечных улиц, композиционно увязывая крепость и форштадты.

Своеобразие центра определилось линейным по характеру пространственно развитым ансамблем, функционально и композиционно объединяющим крепость и форштадты. В свойственной классицизму манере он формировался вдоль главного проспекта и состоял из трех индивидуально решенных участков, проходящих по крепости, поперек Минского форштадта и по открытой территории между ними.

Особо интересна композиция центра в пределах укреплений. Система объемов, формирующих магистраль, периметры площадей и садов, сводится к двум типам элементов: сплошной протяженный блок и три П-образно поставленных корпуса, два из которых выходят на площадь или улицу торцами, а один – длинным фасадом.

Относительно магистрали воплощена идея неравновесия пространств площадей и садов. С одной стороны от нее было четыре обширных пространства, с другой – два малых. При движении по улице преобладало их боковое визуальное раскрытие. Примыкание площадей к улице одной из сторон таким образом, что коммуникация проходила по краю нескольких форумов,

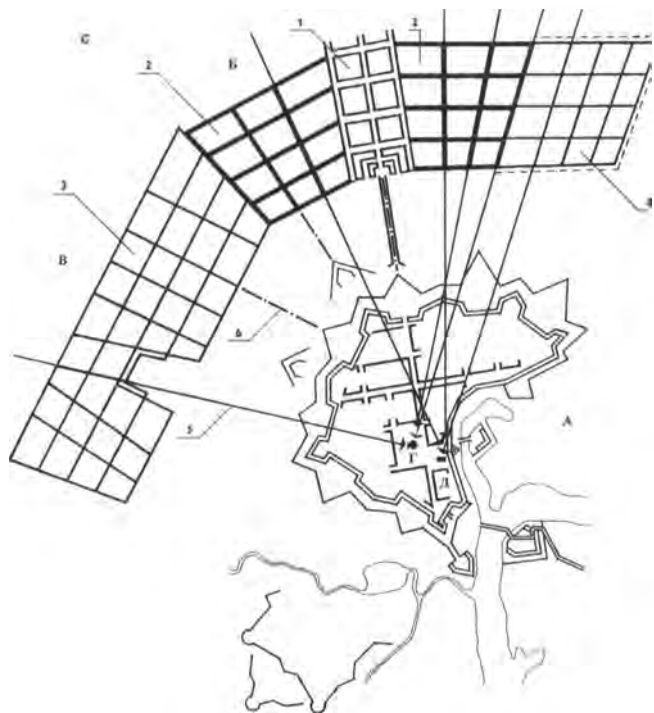

Схема пространственно-планировочной композиции Бобруйска: А – крепость; Б – Минский форштадт; В – Слуцкий форштадт; Г – собор Св. Александра Невского; Д – приходский костел; 1 – система прямоугольных кварталов, прилегающих к главной магистрали и общему центру города; 2 – веерная по очертаниям планировочная сеть, усиливающая градоформирующее значение крепости; 3 – протяженное крыло форштадта, придающее асимметрию общей композиции, с нацеленным на живописность усложнением рисунка; 4 – нейтральное по характеру рисунка короткое крыло форштадта; 5 – осевые видовые направления вдоль улиц на храмы; 6 – планировочные оси, композиционно связывающие оборонительные сооружения с форштадтами

Проектный план Бобруйска 1818 г.
Архит. А.Е. Штауберт (РГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 5979)

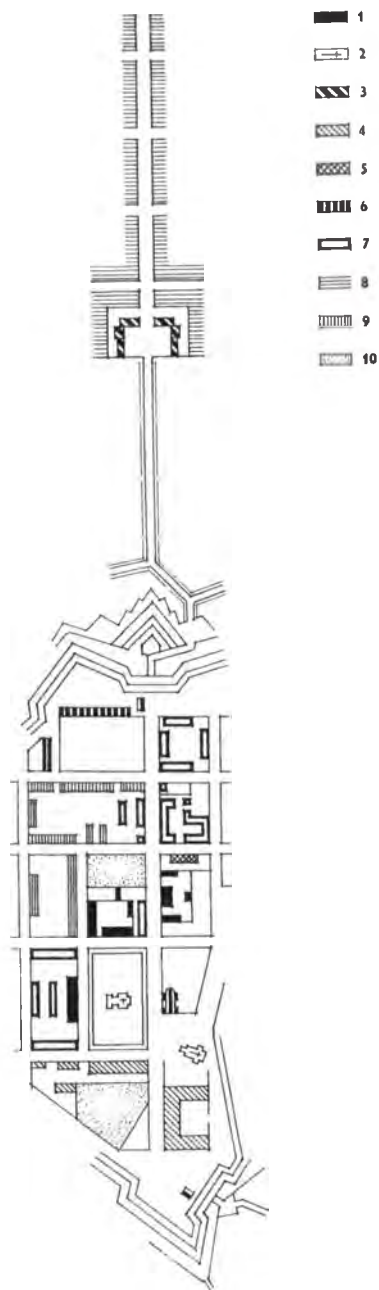
характерно для западноевропейского Средневековья. Как романтическая реминисценция эта особенность использована в классицистическом градостроении.

Неравновесие элементов композиции оказалось традиционным для Бобруйска на разных этапах его развития. В XVIII в. наблюдалась неравновесность объемов храмов, а в XIX в. она проявлена на материале городских пространств. В оба периода осью, относительно которой формировалось неравновесие, служила одна и та же главная улица. Подход А.Е. Штауберта подтверждает характерную для классицизма идею романтической преемственности. Неравновесие именно на примере пространств закономерно в связи с типичным для стиля вообще образным преобладанием пространства над массой.

Применен и принцип равновесия, но в отношении взаимоположения объемов. П-образные группы с курдонером внутри квартала располагались по обе стороны вдоль магистрали зигзагом и тем самым равновесно. Сплошные протяженные блоки тоже формировали равновесную зигзагоподобную структуру относительно магистрали. Так, визуальное равновесие реализовано в применении двух зигзагообразных схем постановки объемов.

Вероятно, зодчему была известна языческая символика, используемая в творческом методе романтизма для обогащения смысла городской структуры. Зигзаг является дохристианским знаком молнии, и в XVI–XVII вв., при распространении артиллерии, «громового огневого боя», применялся в порядке древнейшей традиции как оберег на фасадах крепостных стен для символической защиты [4, с. 184]. Очевидно, и в масштабе города воплотилась романтическая идея оберега, естественно, нашедшая свое место при возведении крепости, главную опасность для которой таила артиллерия.

В исследовании выполнены реконструкции плана в М 1:2000 и поперечного разреза в М 1:200 ансамбля Соборного и культового форумов на 1830-е годы, выявлены особенности его пространственного построения и восприятия. Ансамбль характеризует аспекты творческого подхода А.Е. Штауберта, иллюстрируя

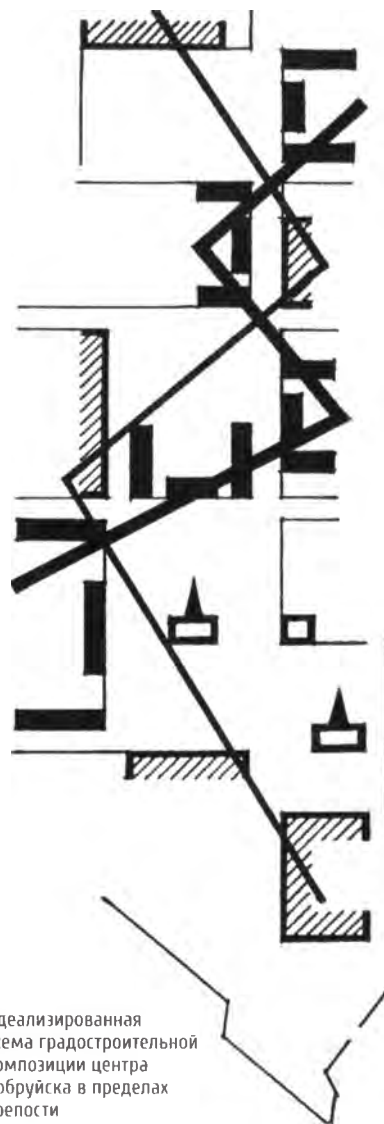
Планировочная структура центра Бобруйска в середине XIX в. (реконструкция автора). Анализ функционального назначения застройки и территорий. Назначение: 1 – административное; 2 – культовое; 3 – торговое; 4 – лечебное; 5 – учебное; 6 – складское и фортификационное; 7 – жилое (генералов, офицеров и состоятельных мещан); 8 – жилое (индивидуальная застройка с торгово-производственными помещениями на форштадте); 9 – жилое (казармы); 10 – рекреационное

ретроспективные влияния. Воплощены черты средневековой регулярной, или готической, планировки, распространенной в Западной Европе, особенно в Германии, а также Великом Княжестве Литовском. Это носило не подобие цитирования, а осуществлялось в виде нюансного внесения отдельных формальных элементов в классицистическую композицию, стилевые черты которой доминировали над средневековыми реминисценциями. Можно предположить, что этническое происхождение зодчего могло повлиять на предпочтение средневековых форм.

Сопряжение прямоугольных площадей вызывает ассоциации с угловым примыканием в Средневековье центральных площадей, традиционно ратушной и культовой. Как нередко наблюдалось в готической структуре, от углов Соборного форума отходило не восемь коммуникаций как продолжений всех сторон площади, а только семь. На восточном углу площади формальную роль одной из этих улиц выполняла маломасштабная культовая площадь с приходским и иезуитским костелами. Для сохранения сакрального числа «7» западный угол отмечен только одной улицей, хотя планировка территории до реконструкции и логика новой композиции свидетельствуют о возможности трассировки и здесь двух магистралей.

Весь ансамбль создан А.Е. Штаубертом по единому замыслу. От старой застройки остались лишь приходский и иезуитский храмы, мастерски включенные в композицию. Пропорциональный анализ свидетельствует об осуществлении зодчим метода жесткой геометризации, образно созвучной военному назначению города. Метод основывался на применении целочисленных размеров, использовании планировочного модуля как важного параметра ансамбля, равенстве основных размеров разных по значению объемов или пространств, совпадении планировочных осей застройки.

Длина Соборной площади – 100 саженей, ширина – 71 сажень. У костельной площади эти размеры – 56 и 37 саженей. Поперечная ось главной площади, совпадающая с осью собора Александра Невского, была «привязана» к оси трансепта

Идеализованная схема градостроительной композиции центра Бобруйска в пределах крепости

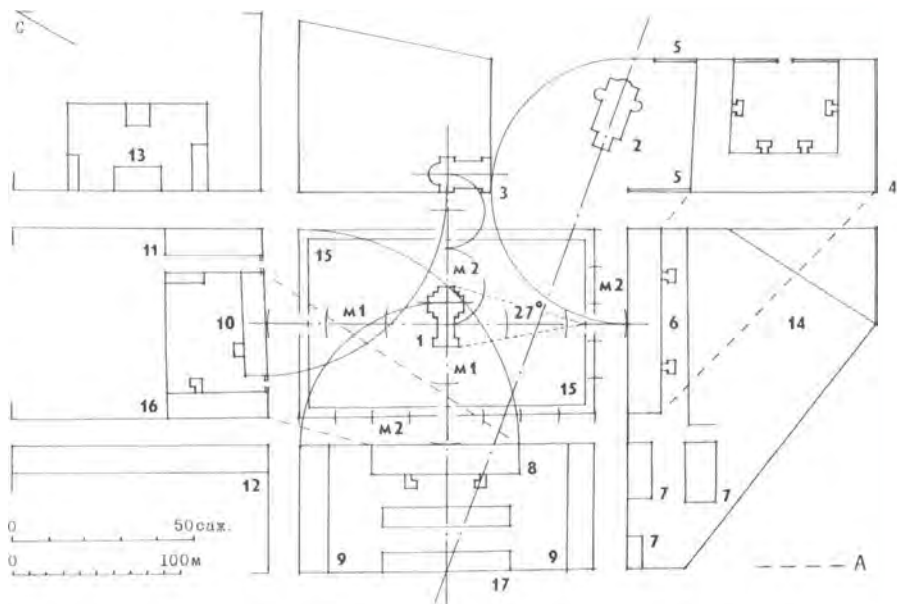
иезуитского храма, а середина главного фасада одного из домов обер-офицеров разместились на продолжении продольной оси приходского костела.

В качестве модулей планировки главной площади заложены длина (17 саженей) и ширина (10 саженей) собора. Длина собора спроектирована равной протяженности иезуитского костела. С небольшим приближением она укладывалась шесть раз по длине Соборной площади, а расстояние от точки пересечения ее продольной и поперечной осей, находящейся внутри храма, до длинной стороны площади составляло две его длины. От данной точки до оси главной городской магистрали размещалось три ширины храма и еще одна ширина укладывалась от оси магистрали до продольной оси иезуитского костела. Вдоль сторон площади были посажены

по два плотных ряда деревьев, каждый из которых образовывал прямоугольник. Стороны большего прямоугольника кратны ширине собора, составляя восемь и пять таких модулей.

В ансамбле разнообразно применен принцип повторяемости размеров объемов и пространств. Протяженности фасадов здания госпиталя на главной улице и больничного корпуса на Соборной площади спроектированы одинаковыми. Равнялись между собой длины зданий штаба и коменданта с торцом флигеля на сторонах площади. Значимость здания коменданта 1823–1827 гг. подчеркивалась размещением здесь императорской резиденции. Расстояние от угла генеральского дома до середины фасада здания штаба равно отрезку от последнего до средокрестия собора. Расстояние от того же угла до торца штабного здания приравнено к длине короткой стороны площади за вычетом ширины основной магистрали. Равны между собой отрезки от угла площади до средокрестия иезуитского костела и до торца дома коменданта. Оконечность балюстрады, пристроенной к трехэтажному зданию госпиталя, трактована как центр окружности, радиус которой составляют отрезки до середины фасада больничного корпуса на юго-восточной стороне Соборной площади, до главного фасада иезуитского храма, до аналогичной балюстрады с противоположной стороны госпиталя.

Многоаспектность творческого подхода А.Е. Штауберта подтверждается и анализом высотной композиции, также выявляющим систему примененных

План архитектурного ансамбля Соборной и культурной площадей Бобруйска в 1830-х годах (реконструкция автора). Анализ композиции: 1 - собор Св. Александра Невского 1822-1827 гг.; 2 - приходский костел; 3 - костел иезуитов, позже цейгауз; 4-3-этажный корпус госпиталя 1829-1835 гг.; 5 - балюстрады; 6-2-этажный корпус госпиталя 1819-1822 гг.; 7 - служебные строения; 8 - здание штаба и обер-офицеров 1819-1824 гг.; 9 - генеральские дома; 10 - здание коменданта с императорской квартирой 1823-1827 гг.; 11 - дом купца Торлецкого 1817-1824 гг.; 12 - казарма; 13 - присутственные места 1829 г.; 14 - ботанический сад; 15 - ряды деревьев; 16 - флигель комендантского дома 1817-1818 гг.; 17 - офицерское здание; М 1 - модуль, равный длине собора; М 2 - модуль, равный ширине собора; А - линии, отмечающие фасады равной протяженности

приемов. В частности, объемно-пространственные элементы подвергнуты жесткому регулированию путем организации единого горизонта главного венчающего карниза всех основных сооружений.

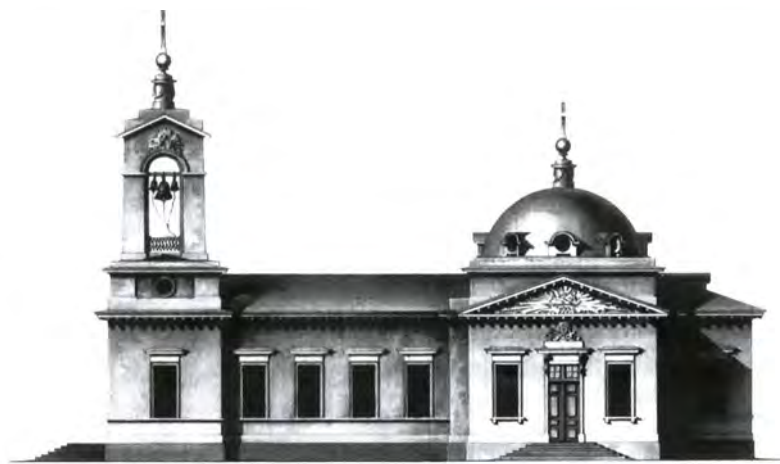
В соотношениях определенных частей собора, а также собора и застройки периметра площади заложены одинаковые пропорции, что способствовало единению разнородных архитектурных форм. Например, отношение между высотами собора до конька двускатной кровли и до верха креста звонницы равно пропорции между высотами до

главного карниза и до верха креста на куполе (0,40). Аналогично, соотношение между высотами до конька кровли и до верха звонницы без тумбы с крестом равнялось соотношению высот до венчающего карниза и до верха купола (0,53). Изящная эмпирическая конструкция, включавшая круглую тумбу, декорированную гиляндами и завершенную крестом на шаре, была выполнена одинаково на звоннице и куполе, но имела разные пропорции.

В высотную структуру храма заложены удвоения и утроения. Высота собора до одного из заметных горизонтальных членений - карниза

Собор Св. Александра Невского. Архит. А.Е. Штауберт. Главный фасад (РГВИА, ф. 3 л., оп. 3, д. 6158)

Боковой, южный фасад собора Св. Александра Невского (РГВИА, ф. 3 л., оп. 3, д. 6156)

Застройка северо-западной стороны ансамбля Соборной площади. Архит. А.Е. Штауберт (РГВИА, ф. 3 л., оп. 3, д. 6136)

Застройка юго-западной стороны ансамбля Соборной площади. Архит. А. Е. Штауберт (РГВИА, ф. 3 л., оп. 3, д. 6017)

на подкрестовой тумбе звонницы – вдвое превышала конек крыши, а до верха креста – втрое превышала уровень главного карниза. Высота же до карниза подкрестовой тумбы купола равнялась удвоенной высоте до главного венчающего карниза.

Целостности ансамбля способствовало единство пропорционального строя собора и застройки периметра площади. Главной чертой высотной композиции фасадов всех гражданских зданий была антитеза низкого рустованного первого этажа и гладкой поверхности второго. Отношение высот этих ярусов – 1 : 2 – близко отношению высоты купола с низким стилобатом и высоты от уровня земли кубического подкупольного объема, соответствующей коньку кровли – 1 : 2,2. Другая пропорция – отношение вертикальных размеров купола без стилобата и звонницы без тумбы с крестом – тоже составляла 1 : 2,2.

В архитектуре собора наблюдались черты романтизма, учет традиций католического зодчества XVII–XVIII вв. Храм имел сильно вытянутый основной объем, пересекаемый также удлиненным трансептом, в связи с чем сооружение отличалось от русских православных церквей с часто центричным объемом. Стены звонницы

имели небольшой наклон, что вызывало ассоциации с контрфорсами костельных башен. Эти черты, а также круглые проемы наподобие амбразур на аттике притвора, в целом укрупненный масштаб элементов корреспондировались с тонко выраженным средневековым образом всей композиции города. Отметим и попытку придать «народность» формам звонницы, приблизиться к особенностям колоколен и башен сельских деревянных церквей.

Заключение. Подытоживая анализ ансамбля, можно утверждать о знании автором законов восприятия. Протяженные боковые фасады собора свободно воспринимались вдоль продольной оси площади с больших расстояний, а хорошее обозрение узких главного и апсидного фасадов обеспечивалось малыми расстояниями до сторон площади. Ряды деревьев ограничивали ажурным барьером пространство вокруг церкви, немногим меньше самой площади. В местах входа в это условное пространство с четырех направлений по осям площади находились лучшие точки восприятия собора. Угол видимости из них храма по наибольшему измерению был оптимальным, составляя около 27°.

При обзоре бокового фасада большим измерением служила длина церкви, а главного и алтарного фасадов – ее высота. Так, свойственный классицизму вообще принцип, когда образ целого может постигаться не в процессе растянутого во времени восприятия, а при первом взгляде, дополнялся эффектом неожиданности благодаря хорошему обзору храма только после попадания внутрь «ландшафтного» пространства и, кроме того, под наилучшим углом зрения для открывавшейся видовой картины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квитницкая, Е.Д. Планировка Бобруйской крепости / Е.Д. Квитницкая // Архитектурное наследие: проблемы градостроительства IV–XIX вв.: сб. ст. – М.: Стройиздат, 1976. Вып. 25. – С. 25–34.
2. Квитницкая, Е.Д. Госпитали Белоруссии в первой половине XIX в. / Е.Д. Квитницкая // Архитектурное наследие: малоизученные вопросы зодчества народов СССР: сб. ст. – М.: Стройиздат, 1982. Вып. 30. – С. 46–59.
3. Антонов, А.В. Александр Штауберт / А.В. Антонов // Зодчие Санкт-Петербурга: XIX – начало XX века / сост. В.Г. Исаченко. – СПб.: Лениздат, 1998. – С. 203–210; Кириков, Б.М. Петербург немецких архитекторов: от барокко до авангарда / Б.М. Кириков, М.С. Штиглиц. – СПб.: Чистый лист, 2002. – С. 78–82.
4. Павлов, Н.Л. Идея столпа-молнии в архитектуре индоевропейцев / Н.Л. Павлов // Архитектура мира: матер. конф. «Запад – Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» / ВНИИ теории архит. и градостр.-ва. – М., 1993. Вып. 2. – С. 182–185.

3-этажный корпус госпиталя. Архит. А.Е. Штауберт. Главный и северо-восточный фасады (РГВИА, ф. 3 л., оп. 3, д. 6235)

